

18+

МОРИН ОРТ

Это не судебная драма,
а история охоты
на человека.
Meduza

УБИЙСТВО ДЖАННИ ВЕРСАЧЕ

В АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Киноstory

Морин Орт

Убийство Джанни Версаче

«Издательство АСТ»

1999

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Сое)-44

Орт М.

Убийство Джанни Версаче / М. Орт — «Издательство АСТ»,
1999 — (Kinostory)

ISBN 978-5-17-109338-9

Убийство Джанни Версаче в свое время породило массу слухов. Полиция не была способна разобраться в подробностях дела. Единственным человеком, пролившим свет на причины и ход ряда преступлений, совершенных Эндрю Кьюененом, стала журналистка Морин Орт.

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-109338-9

© Орт М., 1999
© Издательство АСТ, 1999

Содержание

Жестокая ломка ценностей	7
Пролог	9
Уроки расследования	10
Часть 1	13
Мать	14
Детство Эндрю	16
Епископская школа	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Морин Орт
Убийство Джанни Версаче
В американской истории преступлений

*Посвящается Тиму и Люку, а также матери, которая, бывало,
говорила: «Книгу и последний дурак способен написать»*

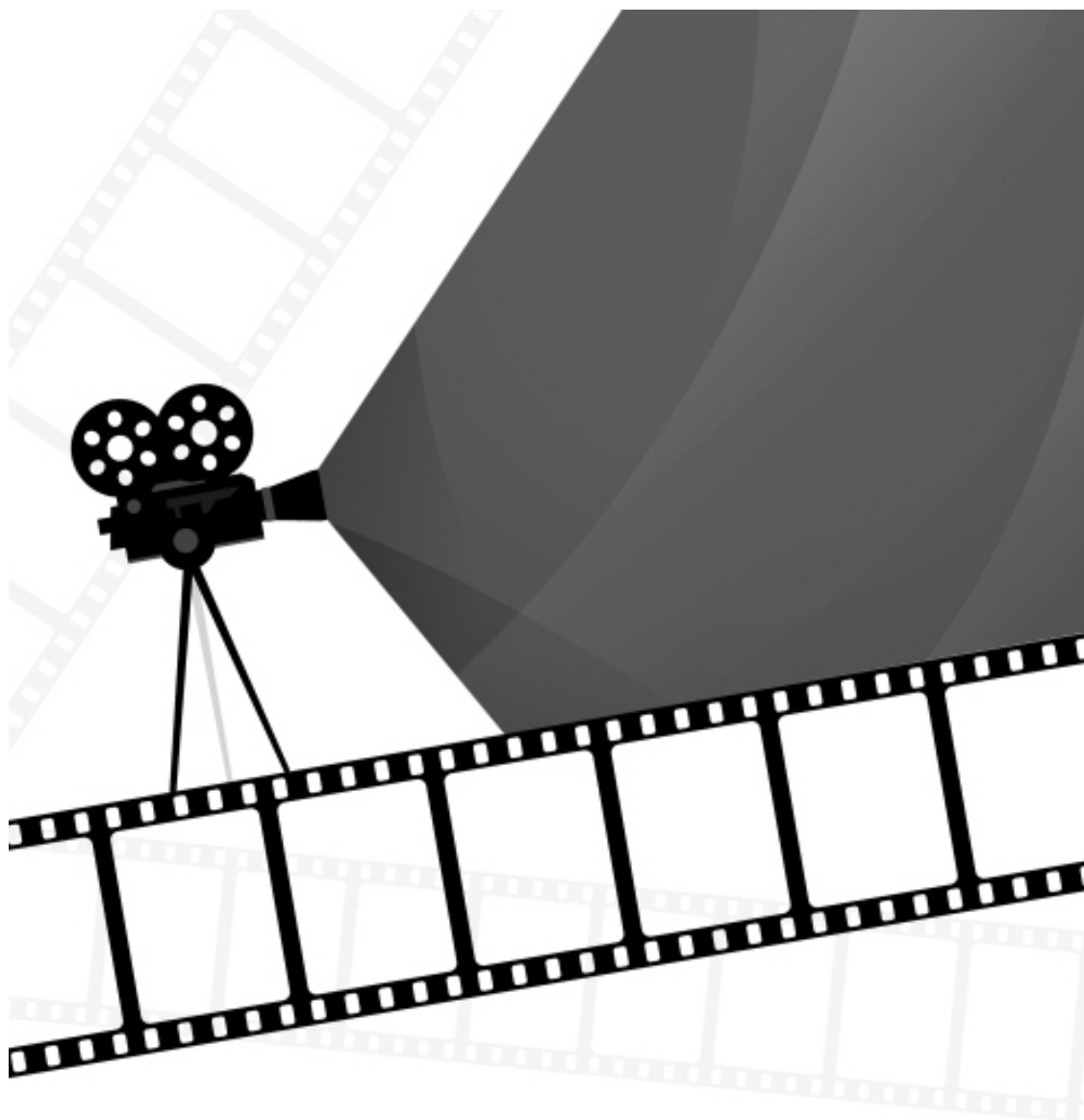
Maureen Orth
Assassination of Gianni Versace

* * *

Печатается с разрешения издательства Delacorte Press, импринта Random House, подразделения Penguin Random House LLC и литературного агентства Nova Littera SIA.

Copyright © 1999 by Maureen Orth
© Г. И. Агафонов, перевод, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

**И НЕУЛОВИМЫЙ КЬЮНЕНЕН
КАК ВЕЛИЧАЙШИЙ ОПЕРАТИВНЫЙ ПРОВАЛ
ЗА ВСЮ ИСТОРИЮ АМЕРИКАНСКОГО УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА**

Жестокая ломка ценностей

Жанр этой книги не столь очевиден, как может показаться. Она – не только документальное расследование обстоятельств убийства сверхмодного итальянского дизайнера Джанни Версаче. Просто вынесенная на обложку произведения и сделавшая его бестселлером тема счастливым для автора и роковым для жертвы образом совпала с завершающей стадией журналистского расследования цепи на первый взгляд бессвязных и бессмысленных убийств, совершенных наркозависимым психопатом-гомосексуалом по имени Эндрю Кьюненен весной и летом 1997 года.

Морин Орт – не специалист по криминальным расследованиям. Она – эссеист и автор материалов для журналов *Vogue* и *Vanity Fair*. И тем точнее и страшнее поставленный ею первичный диагноз: сын мичмана – ветерана Вьетнамской войны филиппинских кровей и взятой им в жены набожной официантки-итальянки из припортового ресторана Сан-Диего всего-навсего с педантичной последовательностью проводил в жизнь навязчивую идею осуществления американской мечты доступными ему средствами. А перечень средств и порядок их употребления Эндрю еще мальчиком усвоил из тех же глянцевого журналов: (1) набить себе цену; (2) продаться подороже; (3) купить любовь и славу. В реальной жизни этот незатейливый рецепт, как выяснилось, требовал постоянного напряжения всех внутренних сил, чтобы казаться ярче и умнее, богаче и красивее, чем ты есть на самом деле. До поры до времени на раскручивание беличьего колеса самопиара антигерою хватало собственной внутренней энергии, а затем естественным образом началась подпитка наркотиками, благо в Сан-Франциско, где Кьюненен, бросив университет, приживал у семейной пары друзей на правах гувернера, употребление всяческого допинга – неотъемлемая часть молодежной субкультуры (как, впрочем и в его родном Сан-Диего), – и колесо пошло вразнос, сметая всё на своем пути.

Вульгарный материализм, помноженный на нарциссизм и отлакированный ощущениями вседозволенности, безнаказанности и острой потребностью во внимании, плюс разбухшие сильнодействующими психостимулирующими веществами садистские наклонности поэтапно превратили талантливого экзальтированного выпускника элитной частной школы, некогда мечтавшего о «доме у моря, семье, детях и собаке», сначала в расчетливую содержанку мужского пола, затем в пронырливого наркоторговца. А в конечном счете – и вовсе в маниакального убийцу. Постепенно до помутненного сознания Эндрю Кьюненена начало доходить, что для обретения славы ему недостает ни связей, ни талантов, а любовь каким-то непостижимым для него образом не покупается: два бывших любовника сбежали от него на другой конец страны. И тогда он обзавелся пистолетом, отправился в Миннеаполис, где свел счеты с обоими, а оттуда – на юг, к теплему морю Южной Флориды, попутно продолжив кровавое шоу садистской расправой над строительным магнатом в Чикаго (предположительно, бывшим клиентом) и убийством ради автомобиля ни в чем не повинного кладбищенского сторожа в окрестностях Вашингтона.

И вот тут, в курортном Майами-Бич, будучи в федеральном розыске, Эндрю Кьюненен, открыто остановившись в гостинце и зарабатывая на её оплату мелко-розничной торговлей наркотиками, два месяца дождался – и дождался-таки – своего звездного часа, эффектно застрелив на пороге собственной виллы не кого-то, а самого Версаче. Так и вошел в историю. Терять убийце было уже нечего: челюсти федерального розыска смыкались – но свою миссию он исполнил – и выстрелом себе в рот сравнялся в посмертной славе с кутюрье, которого считал ничуть не талантливее себя. Тема нового Герострата, отработавшего по «живой мишени», на этом себя исчерпывает.

А вот другая важнейшая тема, поднятая в книге, продолжает тревожить, а именно – тема наглядно явленного, даже какого-то издевательски легкого превосходства горизонтально-сете-

вых неформальных структур – сообществ ЛГБТ, изготовителей и распространителей наркотиков и порнографии, тайных орденов выпускников элитных колледжей и просто клубов по странным интересам разного социокультурного уровня – над неповоротливыми иерархическими структурами, будь то полиция, вооруженные силы или церковь. И всё это – на фоне, казалось бы, полнейшего, самого что ни на есть безмятежного общественного порядка и спокойствия.

Красочно представленные в сюжетных линиях всевозможных оттенков и степеней злонамеренности антисоциальные и преступные элементы как вода сквозь сито струятся между заграждений, тщетно выставляемых государственными и общественными институтами, и ярким бисером рассыпаются по миру, не признавая ни межштатных, ни межгосударственных границ. Именно среди них и скрывался, ни от кого не таясь, а оставаясь неразличимым лицом в толпе, «неуловимый» Кьюненен, всякий раз безошибочно распознавая в любой толпе родственные души и автоматически попадая под защиту местного сообщества тех, кто «своих» не выдает.

Сколько еще *кьюнененов* натворили бы кровавых дел, не подоспей на помощь органам правопорядка и обществу в целом социальные сети, переведшие их активность в виртуальную плоскость?..

Григорий Агафонов, переводчик

Смотри, какие пошлости милы столичным толпам – да настолько, что приводят их в восторг полнейший... Как беспардонно непристойны и похабны их грубые плебейские забавы... Их похотливые делишки ты брезгливо презираешь, однако вынужден терпеть.

Из оперы Рихарда Штрауса «Каприччо»

Пролог

Телефон зазвонил в час ночи, трубку снял сонный муж.

– Хочу поговорить с Морин Орт. Морин Орт, писательницей. – Мужской голос звучал настойчиво.

– Кто это?

– Хочу обсудить статью. – Пауза – и конец связи.

– Похоже, он, – сообщил муж.

– Кто «он»?

– Да тот тип, о котором ты пишешь.

– Что? Неужто Эндрю Кьюненен?

– Чтоб ему... – проворчал муж, переворачиваясь на другой бок и опять проваливаясь в сон. Я же уже не могла заснуть.

Дней через десять, спустя считанные часы после убийства Джанни Версаче, прославленного модного дизайнера и открытого гея, во втором часу ночи опять раздался телефонный звонок. Утром я как раз собиралась лететь в Майами, чтобы с места событий передать репортаж об убийстве Версаче, раз уж главный подозреваемый в нем – Эндрю Кьюненен. К тому времени я уже два месяца собирала материалы о Кьюненене для журнала *Vanity Fair* – его любимого издания, кстати. Кроме того, я успела выяснить, что с Версаче Кьюненен был знаком далеко не один год, и еще – что он подозревается в четырех других убийствах, в том числе собственного друга, его единственной, по его утверждению, любви.

– Алло, Морин Орт там? – Муж сразу узнал этого гомика по голосу.

– Зачем она вам? – Но на том конце провода тут же спохватились, и междугородняя связь разом оборвалась. Так я никогда и не узнаю, не упустила ли я тогда самую сенсационную «бомбу» в своей жизни.

Уроки расследования

Как бы то ни было, появление на страницах *Vanity Fair* стало бы для Эндрю Кьюненена исполнением заветной мечты. К тому времени, то есть к началу июля 1997 года, он уже был близок к тому, чтобы стать объектом одной из крупнейших в истории ФБР спецопераций по поимке особо опасных преступников. Тысячи оперативников будут высматривать его повсюду, но никто так и не установит его местонахождения... пока он был жив.

Тело Эндрю Кьюненена было обнаружено лишь на девятый день после его смерти на борту плавучего дома, которому суждено будет превратиться в постыдную достопримечательность Майами-Бич. Шлейф последствий его преступлений и трагического кровавого вояжа по просторам Америки растянется на долгие месяцы. И то, что поначалу обманчиво преподносилось в СМИ как «ссора голубых любовников», не затрагивающая, по сути, никого за пределами замкнутого и обособленного «гомосексуального мира», разрослось, по мере выяснения всей степени омерзительности и наглости совершенных Кьюнененом убийств, до масштабов истории, камнем из пращи вынесшей его образ на первые полосы центральных газет, в анонсы главных событий итоговых выпусков теленовостей, на обложки солидных журналов, включая *Time* и *Newsweek*. Но еще до убийства Джанни Версаче и обретения всемирной известности Эндрю Кьюненен успел пересечь пространство параллельного мира, в котором обретается гей-сообщество современной Америки, – выбраться из прокаженного и смердящего наркотиками подбрюшья полусвета и войти в культурный и привилегированный мир богатых людей, искусно скрывающих свою гомосексуальность.

Эндрю повсюду приходился ко двору. С равной непринужденностью мог поддерживать светские беседы об изящных искусствах и архитектуре, слыл ходячей энциклопедией брендов и статусов. В роли мальчика на содержании был замечен и в пятизвездочном отеле *Gritti Palace* в Венеции, и на фешенебельной вилле на Кап-Ферра. Затем у него случилась любовь с молодым трудоголиком-архитектором, и – предположительно из-за отказа богатого партнера оплатить ему покупку вожденной модели «мерседеса» – Эндрю, хлопнув дверью, покинул взлелеянный мир своей извечной мечты.

Сколько бы и что бы Эндрю Кьюненен ни получал, ему было мало и хотелось еще: всё больше наркотиков, всё более извращенного секса, всё более дорогих вин... И как-то так постепенно он пришел к убеждению, что все *они* ему по жизни обязаны. А разве не так? Ведь он всегда и везде был душой компании, самым смышленным парнем. К двадцати семи годам он успел превратиться не просто в кошмарного самовлюбленного нарцисса, всецело поглощенного собой, но еще и в искушенного патологического лгуна, изрядно поднаторевшего в создании вокруг себя альтернативной реальности, при этом достаточно сообразительного, чтобы вовремя сорвать куш с внушаемых им окружающим обманчивых иллюзий. В кругах людей доверчивых и поверхностных, где он вращался, Эндрю не составляло труда становиться незаменимым. Но под внешним его шармом таился и вызревал злополучный психоз, усугубляемый привычками Эндрю к просмотру жесткого порно с насилием и употреблению кристаллического метамfetамина, кокаина и прочих наркотиков, имеющих широкое хождение в определенных гомосексуальных кругах, хотя говорить об этом и не принято. «Да любой, кто сидел на „кристаллах“ и попадал на измену, способен врубиться в ситуацию, – считает Джо Салливан, имевший в прошлом опыт употребления метамfetамина и лично знакомый с Эндрю по Сан-Диего. – Поверить не могу, что никому вообще в голову не пришло, что всё дело тут в психозе после „кристаллов“».

Распутывая историю Эндрю Кьюненена и докапываясь до истоков его личности, рассчитывать мне приходилось только на саму себя, – а тайны свои он выдавал крайне неохотно. Ребенок-красавец от смешанного брака филиппинца с итальянкой, вундеркинд с *IQ* в 147 баллов,

стал заложником развода родителей. Под чудовищным давлением со стороны матери и отца, тянувших его каждый на свою сторону, даровитый мальчик так и не получил возможности оформиться в целостную зрелую личность. Чем больше я узнавала об Эндрю, тем горше мне становилось от представавшей перед моими глазами картины того, как наркотики и противоправный секс огрубляли его инстинкты. И когда реально «приперло», то не оказалось у него за спиной ни профессиональных, ни моральных ресурсов, на которые можно было бы опереться. Сам себя совратил – и пал в мозолистые объятия мира алчности и порнографии, где молодость и красота суть наносные и поверхностные ценности, а деньги – главное и максимально достижимое в жизни счастье. В конце концов Эндрю Кьюненен, наиумнейший и самый сноровистый отпрыск фанатичной католички-матери и не менее фанатичного материалиста-отца, не устоял перед силами тьмы, идущими изнутри, и причинил неизмеримую боль окружающим.

Шаг за шагом отслеживая путь Эндрю Кьюненена по кривой дорожке, я осознавала, что не просто передаю, как репортер, рассказ о напрочь исковерканном жизнью молодом человеке и его злодеяниях. Я еще и ввожу тему одиссеи героя-скитальца по Америке, стоящей на пороге нового тысячелетия, где за минувшие лет двадцать успели сформироваться качественно новые сообщества, где политкорректность в условиях плавильного котла парализовала многие аспекты деятельности правоохранительных органов и СМИ, где денежными вливаниями затыкаются множественные дыры... Впрочем, есть в мире и вечные, непреходящие ценности, и первая среди них – конечно же, способность могущественных семей всячески препятствовать раскрытию правды и утаивать секреты.

Путешествуя и вращаясь в их среде, я всё больше убеждалась, что гомосексуалы – это сплоченная социальная группа в стадии изменчивого и динамичного преобразования в политическое формирование. Их удивительная способность к самоорганизации на местном уровне позволяет им эффективно и напрямую оказывать мощное влияние на правоохранительные структуры. В мегаполисах типа Сан-Франциско или Нью-Йорка Эндрю было бы куда труднее скрыться от полиции. А вот на Южном берегу Флориды, в этой искусственно созданной туристической Мекке, напротив, гей-сообщество столь многочисленно, что особо и не таится.

За пределами Южного берега я не раз сталкивалась с отрицанием как широкого распространения наркотиков, так и наличия специальных структур, призванных это употребление культивировать, – и в гомосексуальном сообществе, и со стороны правоохранителей, которым явственно претила идея затрагивать некоторые запретные темы из боязни быть обвиненными в гомофобии. Было бы у ФБР побольше знаний, к примеру, о гомосексуальном мире Южной Флориды, в жизни бы не удалось Эндрю Кьюненену, входящему в десятку самых разыскиваемых преступников, вольготно прожить два месяца в гостинице *Normandy Plaza* или неделями оставлять угнанный красный пикап на крытой парковке. А так – да, общенациональный розыск обошелся в миллионы долларов, а результатов практически не принес. Кевин Рикетт, молодой и ретивый агент ФБР, возглавлявший специальную розыскную опергруппу Бюро в штате Миннесота, которой было поручено вести расследование на национальном уровне, рассказывал мне: «Особых успехов у следствия не было, потому что мы никак не могли к нему настоящему близко подобраться. Нам так ни разу и не удалось его настигнуть».

История, единым махом перескочившая с Западного побережья на Восточное, то и дело заводила меня в такие сферы, существования которых я поначалу и вообразить себе не могла. Так, я понятия не имела, в какой глубочайший аффект поверг государственных обвинителей и на местах, и в прокуратурах штатов процесс по делу О. Дж. Симпсона – ведь они теперь ни в какую не желают выдвигать обвинений против подозреваемых в убийстве при отсутствии как минимум неопровержимых, просто-таки железных доказательств¹.

¹ Громкий судебный процесс по делу футболиста и актера О. Дж. Симпсона (*англ.* Orenthal James «O. J.» Simpson, p. 1947), в результате которого суд присяжных в Лос-Анджелесе вынес оправдательный приговор, несмотря на наличие, казалось бы,

Дело Эндрю Кьюненена также дало мощную подпитку возрожденному благодаря О. Дж. Симпсону жанру бульварно-сенсационного и эмоционально насыщенного освещения громких уголовных дел. «В деле Кьюненена было для этого всё что нужно, – считает продюсер ток-шоу *Hard Copy* Сантина Леуси, – секс, насилие, серийные убийства. Опять же, он в бегах, все силы полиции мобилизованы, а страна ждет, когда же его наконец отловят». Что же происходит, когда криминальная история оказывается сюжетом номер один для всей Америки? Меня внезапно будто мощной приливной волной накрыло. Желтые СМИ – ведь это же современный эквивалент бродячих цирков начала XX века. Только теперь цирковых клоунов и уродов заменяют герои в телевизоре, на время становясь «экспонатом № 1». Так Эндрю Кьюненен на время заполнил собой медиапространство – «Он же гей! У него СПИД! Он псих! Он мочит богатых знаменитостей!», – а затем был вытеснен из него принцессой Дианой.

Что меня потрясло, так это то, в каком количестве и с какой скоростью кочуют по рукам колоссальные деньги всякий раз, как разражается резонансная история. Маниакальное иступление обуревают СМИ, передается полицейским, от которых требуют скорейшего расследования, политикам, от которых ждут жесткой реакции, и просто всем и каждому, кто жаждет поучаствовать в прямом эфире, высказаться в печати, заполнить интернет фотографиями полицейских оцеплений или скорбящих близких на похоронах жертв. Круглосуточная, безостановочная, глобальная мыльная опера! Сокрушенные горем близкие убиенных при этом просто-таки бросаются на растерзание голодному медийному зверю. Впрочем, и копы, и политики ему также скармливаются.

К тому времени, когда я наконец завершила исполнение своих репортерских обязанностей, я вдруг почувствовала себя вернувшейся из долгого-преддолгого и весьма диковинного путешествия, в ходе которого где только не побывала – от Военно-морской академии США в Аннаполисе до штаб-квартиры ФБР в Вашингтоне, от кукурузных полей Среднего Запада до чикагских небоскребов, от лавки *Mr. S Leather*² в Сан-Франциско до оперного театра там же. Прошвырнулась по шикарным пляжам для снобов – от Ла-Хойя³ до откровенного на Южном берегу. Встречалась с важными чиновниками правоохранительных органов, наркодилерами, распространяющими метамфетамин, следователями убийных отделов, тюремщиками, персональными тренерами. Были у меня источники и среди заключенных. С кем я только не познакомилась – от начальников полиции до элитных проститутов, берущих десять тысяч баксов за выходные, и даже с пианистом публичного дома. И все эти столь разные миры Эндрю Кьюненен потряс до основания.

А после его самоубийства я, как могла, попыталась собрать осколки воедино.

неоспоримых по совокупности, но лишь косвенных улик. – Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, примеч. пер.

² Mr. S Leather – американская сеть секс-шопов.

³ Ла-Хойя (исп. La Jolla) – культурно обособленный неформальный район на северо-западе г. Сан-Диего.

Часть 1

Мать

15 июля 1997 года в Майами-Бич двадцатисемилетний Эндрю Кьюненен хладнокровно подошел и в упор расстрелял итальянского модного дизайнера Джанни Версаче на пороге его особняка, открыв тем самым сезон величайшей в истории США безуспешной охоты на человека.

Спустя полтора месяца так и не пойманный Кьюненен самостоятельно расстался с жизнью. Его прах был погребен на католическом кладбище Креста Господня в Сан-Диего. Мраморное надгробие было заказано его матерью на гонорар, полученный за интервью программе *Hard Copy* студии *Paramount Television*. В день похорон охрану усилили до состояния непробиваемой брони, дабы избежать медийной огласки. К месту захоронения пропустили единственную машину с тщательно пробитыми по базе номерами. Силы ФБР были приведены в режим полной боевой готовности.

Через пару дней в костеле при кладбище прошло отпевание всех погребенных за истекшую неделю. На траурную мессу Марианна Кьюненен-Скилаччи, мать Эндрю, пригласила лишь его старых школьных друзей, в памяти которых Эндрю навсегда останется блестящим умом, а не «психопатом» и «голубым жиголом» из газетных заголовков. В общей сложности явилось человек пятнадцать, включая крестного отца Эндрю, восьмидесятишестилетнего филиппинца по имени Дельфин Лабао. Ни брата, ни обеих сестер среди присутствующих не было: ограничившись семейными поминками, они давно разъехались по домам; и уж подавно не приехал на отпевание сына отец Эндрю, позорно бросивший семью и сбежавший на родные Филиппины еще в 1988 году, после чего Модесто «Пита» Кьюненена в США не видели.

Марианна явилась пораньше, запалила свечи у надгробной плиты в память о сыне. Ей хочется верить – вопреки очевидным свидетельствам в обратном, – что вовсе не был ее младший сынок половым извращенцем, садистом и серийным маньяком-убийцей. Отказывается ее разум смириться с фактом, что на совести Эндрю – пять невинных жертв, убитых им прежде, чем он выстрелил в себя из краденого десятимиллиметрового оружия. Марианна – сама хрупкость, впадает то в говорливость, то в оцепенение, колеблется на тонкой грани эмоционального срыва. По большей части она мила и приветлива, но ее настроение в любой момент может качнуться в противоположную крайность.

Одега она в желтую рубашку Эндрю и синие легинсы из вискозы с принтом. Вот она идет по проходу к переднему ряду с большим пластиковым стаканом ледяной воды в руках, – ей нужно присесть и выпить лекарства. Затем достает из кармана печатные поминальные открытки и раздает их собравшимся. На лицевой стороне – Иисус либо Дева Мария. На обратной – текст:

В память об Эндрю П. Кьюненене
(31 августа 1969 – 23 июля 1997)

Хочу, чтоб память обо мне
Осталась только добрая
И звонкая, как эхо
Счастливых дней и смеха!

Фамилии «Кьюненен» в рукописном списке отпеваемых, вывешенном на доске при входе в костел, не значится. Зачитывая поминальный список, священник произносит его имя так, как написала в поданной ему записке мать: «Эндрю Скилаччи». Так что другим верующим, также потерявшим близких, даже в голову не приходит мысль, что за души их родных молитва

возносится заодно со столь печально известной заблудшей душой. Марианна Кьюненен смотрит прямо перед собой невидящим взглядом.

Зачем, зачем ее сын убил этих пятерых, прежде чем покончить с собой на борту досками заколоченного плавучего дома в Майами-Бич? ФБР допросили уже больше тысячи человек, но по-прежнему признаются, что практически не понимают его мотива. Ни старые школьные товарищи, ни сотни людей, с которыми Эндрю успел пообщаться за свою недолгую жизнь, не могут взять в толк, как такое могло произойти. Но мать свято верит, что при любом раскладе, что бы там ни стряслось, ее сына просто довели до преступления, а сам он теперь в сонме праведников небесных.

И вот уже огнем пылают темные глаза Марианны, поочередно заключающей в объятия всех собравшихся на службу. Какая-то нарядная дама втискивает ей в ладонь деньги. «Смирись уже, – шепчет, вплотную приблизившись к Марианне, сестра Долорес, старенькая учительница катехизиса, помнящая Эндрю по приходу Святой Розы Лимской. – Нужно смириться».

Но не получается, слишком велика боль.

Детство Эндрю

Марианна Кьюненен раздаёт всю оставшуюся у нее наличность – таксистам, церкви, да и вообще кому ни попадя. На пыльной улочке Нешнел-Сити⁴, где она в одиночестве и вдали от трех оставшихся детей обитает в крошечном, запущенном бунгало с единственной спальней, Марианна обустроивает на маленькой делянке у своего домика мемориальный садик в память об Эндрю: немногочисленные унылые кактусы среди пожухшего базилика.

Вернувшись домой после заупокойной мессы, Марианна затворяется в доме, вынимает и прячет в карман вставные челюсти – и принимается безостановочно курить и давать интервью осаждающим ее репортерам.

Один из самых гротескных элементов современной массовой культуры заключается в искушении делать деньги на любой трагедии. Потрясенные и смятенные знакомые и родственники Кьюненен, включая даже набожную Марианну, попали в репортерскую осаду и были выставлены напоказ на потребу публике, соблазнены вниманием и подарками, оплаченными телевизионщиками, затравлены борзыми репортерами, предлагающими деньги, продюсерами, сулящими гонорары за гипотетические книги и еще не снятые телефильмы. И, понятное дело, юристами, которые сочтут за честь и будут счастливы выступить в роли их законных представителей и в качестве агентов составить проекты контрактов, закрепляющих за членами семьи эксклюзивные права на всяческие «правдивые истории из жизни» – в данном случае на любые биографические сюжеты о безвременно покинувшем их сыне и брате, причем чем сенсационнее и омерзительнее будут выданные родней сведения, тем лучше (в понимании массмедиа). Поэтому жизнь Марианны полным-полна посторонних: агентов ФБР, юристов, обещающих выгодные сделки, антрепренеров с телевидения. Вскоре после смерти сына Марианна стала передвигаться по миру исключительно в сопровождении адвоката, контролировавшего и фиксировавшего всё, что та говорит.

Меблировка столовой в домике Марианны состоит из четырех потасканных деревянных складных стульев, изношенного металлического рабочего стула с подлокотниками, бамбукового кресла-бочонка шестидесятых годов с лямкой подушкой для мягкости, сломанного вентилятора и, на контрасте, новеньких телевизора и магнитофона. Но всё это затмевает главный фетиш – священный алтарь в память об Эндрю с постоянно зажженной свечой, счастливыми семейными фотографиями из старых добрых времен, почтовыми открытками от сочувствующих, ликами святых и четками, освященными самим Папой.

В своем неизбывном горе Марианна превратилась одновременно в страстную защитницу Эндрю и в хранителя архива его наследия. Она тщательно собрала коллекцию его одежды и личного имущества, но с готовностью дарит на память понравившимся людям рубашки сына. Она вообще каким-то дивным образом ухитряется гордиться дурной славой Эндрю.

Несмотря на лошадиные дозы лекарств и наносную рассудительность в разговорах о младшем сыне, просматривается в Марианне какая-то тревожащая лютость. Она уже много лет наблюдается у психиатра и получает государственную пенсию по инвалидности. А после смерти сына и сама неоднократно покушалась на самоубийство. Сын Кристофер так отзывается о матери: «Она же очень уязвимый и эмоционально хрупкий человек. Психика у нее точно не в порядке».

⁴ Нешнел-Сити (*англ.* National City) – южный пригород Сан-Диего, населенный преимущественно этническими мексиканцами (>50 %) и филиппинцами (около 20 %).

* * *

Марианна Скилаччи родилась в семье иммигрантов. Родители перебрались в Огайо из Палермо в 1928 году, и она любит хвастаться принадлежностью отца к сицилийской мафии. Матери Марианна лишилась в девятнадцать лет, после чего и переехала в Калифорнию к старшему брату. Невестка ее якобы сразу невзлюбила из-за слишком теплых объятий и поцелуев между братом и сестрой, выросших в теплой обстановке семьи, где привыкли открыто выражать свои чувства и не скупиться на взаимные нежности. Марианна и сама понимала, что пришла в семье брата не ко двору.

Девушка работала сначала телефонисткой, потом барменшей в Лонг-Биче, в ту пору еще простом портовом городе в двадцати пяти милях к югу от Лос-Анджелеса. Однажды вечером она бросила взгляд поверх стойки бара – и сердце ее замерло при виде вальяжно входящего с улицы Пита Кьюненена, который, отметим, был старше Марианны на одиннадцать лет. «Он был в белом смокинге и выглядел прямо как Эррол Флинн⁵, только филиппинский», – вспоминает она. Он был кадровым военным моряком: за десять без малого лет до знакомства с будущей женой завербовался в ВМФ США, «едва сойдя с банановоза», на котором приплыл из родной деревни Балиуаг, что в двадцати пяти милях от Манилы, да так и остался во флоте. Обладал раскатистым голосом и повадками человека ушлого, но строго чтил субординацию и четко знал границы дозволенного. Настоящий боец по жизни с безмерными амбициями и мечтами о большом будущем, он получил два диплома о высшем образовании, по специальностям «управление бизнесом» и «финансирование здравоохранения». Пит гордился своим послужным списком, свято верил во флотский принцип, что всё должно быть отдраено до блеска, и вообще стремился производить впечатление крутого парня и птицы высокого полета.

Марианна – падкая до веселья большеглазая смешливая брюнетка с пронзительным тембром голоса; у себя на малой родине в штате Огайо она уже была с кем-то помолвлена и даже еженедельно отсылала туда деньги на предполагаемую будущую свадьбу, но Пит очаровал ее мгновенно. Ко дню свадьбы с Питом Марианна была уже на шестом месяце беременности.

Их первенец Кристофер родился в августе 1961 года. Вскоре Пита перевели в госпиталь ВМФ США на окраине Нью-Йорка, где Марианна и родила в 1963 году голубоглазую блондинку Елену. В 1966 году семья переехала в Ньюпорт, штат Род-Айленд, но тут в полную силу разгорелась Вьетнамская война, и Пита откомандировали в 1-ю медицинскую роту 1-й дивизии морской пехоты. Десантники-морпехи, штурмовавшие вьетнамское побережье, реально нуждались в услугах военных санитаров и медиков для оказания помощи раненым. А Марианна в результате осталась одна с двумя маленькими детьми на руках.

Справедливости ради, брак их стал рассыпаться еще до отбытия Пита во Вьетнам. Пит заподозрил жену в неверности, а затем и уверился в этом. В ход пошли кулаки и Марианна, и раньше ни уравновешенностью, ни крепкой психикой не отличавшаяся, постепенно превратилась в существо, с одной стороны – хрупкое и зависимое, а с другой – склонное к пассивной агрессии и манипулированию.

Постоянные трения возникали еще и из-за денег, которые Марианна тратила не считая. Беспечное отношение Марианны к денежным тратам в сочетании с обвинениями в неверности образовывали гремучую смесь, которая легко взрывалась от искры любого конфликта между супругами – не только вокруг семейного бюджета, но и по вопросам воспитания детей.

Марианна же тем временем опять забеременела. В 1967 году, пока Пит был прикомандирован к десантным войскам ВМФ во Вьетнаме, родилась Джина. Спустя несколько меся-

⁵ Эррол Лесли Томсон Флинн (*англ.* Errol Leslie Thomson Flynn, 1909–1959) – голливудский актер австралийского происхождения, кинозвезда и секс-символ 1930-х и 1940-х годов.

цев семья Кьюнененов купила свой первый дом в Нешнел-Сити, замызганном пригороде Сан-Диего, примыкающем к портовым судостроениям. Через два года, как раз ко времени рождения Эндрю, его отец успел благополучно вернуться на родину и продолжал прохождение службы на базе Военно-морского госпиталя в Сан-Диего.

Роды Эндрю проходили тяжело, Марианна потеряла много крови, а затем у нее развилась многомесячная послеродовая депрессия, да настолько тяжелая, что она даже причислялась самостоятельно была не в состоянии. Три месяца пролежав в больнице, мать за новорожденным Эндрю всё это время, естественно, не ухаживала. Это был первый из серии ее тяжелых нервно-психических срывов. Пит как умел ухаживал за младенцем, который, что удивительно, практически никогда не плакал. В результате этого опыта их с сыном связали невыразимо прочные узы и мальчик стал явным любимцем отца. Чтобы хоть как-то прокормить четверых маленьких детей и психически больную нетрудоспособную жену, Пит устроился на подработку техником-лаборантом на полставки.

Двое старших детей – Кристофер и Елена – росли в иной атмосфере, нежели Джина и Эндрю. Мать называет двух своих старших «детьми улиц». Им не досталось тех преимуществ, которыми сполна пользовались двое младших. Но из всей четверки самым заласканным, похоже, был именно младшенький, Эндрю. Старший брат дал ему кличку Белый ягненок. В то время как Кристофер был отпущен шлаться, по сути, где угодно и сам по себе, изящная светловолосая Елена хотя бы брала уроки танцев у благовоспитанной соседки по прозвищу Бабушка-танцорка, и со временем танцевальное искусство заняло важное место в ее жизни. Джина, девочка также весьма привлекательная, но куда более смышленная и с пацанским характером, росла скрытной и себе на уме. Эндрю же с самого начала сделался в семье таким маленьким принцем, предметом всеобщего обожания.

Эндрю было три года, когда Пит вышел в отставку на полную пенсию, отслужив, как положено, двадцать лет в мичманском звании и с мечтой стать биржевым брокером. Продолжая работать по вечерам техником-лаборантом, он возобновил учебу и успешно получил степени в 1976 году бакалавра, а на следующий год – и магистра бизнес-администрирования. «И с той поры – только вперед и вверх! – хвастается Пит. – Где бы ни собирались богатые, там меня и ищите!»

Когда Эндрю было четыре года, Марианна получила отцовское наследство, и семья приобрела дом в местечке Бонита в нескольких милях к востоку от их прежнего места жительства. Калифорнийское ранчо с тремя спальнями в приличном пригороде для среднего класса и хорошими школами под боком – большой шаг вперед и вверх по социальной лестнице.

* * *

Бонита – «прелестная» в переводе с испанского – некогда считалась лимонной столицей мира, земным раем с молочными фермами среди лимоновых рощ. Но к началу семидесятых, когда там купили дом Кьюненены, от лимоновых рощ Бониты не осталось и следа, а последние молочные фермы готовились съезжать вглубь страны. Но Бонита все-таки еще сохраняла дух уединенного и тихого сельского уголка с лошадами и мягким климатом среди пышных зарослей буйной растительности в окружении выходящих к тихоокеанскому побережью горных ущелий. Нарезка склонов окрестных холмов на участки под типовую коттеджную застройку еще не успела толком развернуться, когда Кьюненены въехали в купленный ими дом по адресу Уотеркрест-драйв, 5777, последний в ряду домов в низине, через дорогу от бейсбольного поля Малой лиги.

Кьюненены заняли типовой одноэтажный калифорнийский коттедж, но вдоль шоссе, пролежавшего вдоль Уотеркрест, все еще сохранялись и весьма дорогие усадьбы с конюшнями, где всё еще господствовал дух американских сельских просторов. Среди жителей Бониты

было немало людей весьма состоятельных, но большинство так или иначе предпочитало отдавать своих детей в расположенную под боком бесплатную государственную среднюю школу. Однако, поскольку Бонита располагалась в окружении куда более бедных районов, наподобие Чула-Висты, а также из-за близости проходящей в каких-то десяти милях к югу мексиканской границы ощущение значимости и необходимости защиты своего места в социальной иерархии там, похоже, испытывалось весьма остро. Соответственно, родители Эндрю бдительно и неукоснительно следили, чтобы у него было всё, что есть у его ровесников из богатых семей.

Эндрю был красивым талантливым мальчиком, заметно опережающим в развитии своих сверстников. Милейший ребенок, унаследовавший лучшие черты отца и матери, – смугловатый, густобровый брюнет с огромными карими глазами, – внешне совсем не был похож на филиппинца, а сам он в школе о своих этнических корнях никому не рассказывал. В начальной школе он проявил себя как яркий и пышущий счастьем экстраверт. Родители считали его вундеркиндом. По семейным преданиям, к семи годам Эндрю прочел Библию от корки до корки и воспроизводил наизусть целые статьи из энциклопедии. К чтению мальчик, похоже, пристрастился очень рано – и нашел себе в нем убежище от окружающей действительности, в особенности – от семейных склок.

Отец Эндрю был человеком тщеславным, – в 1979 году, Эндрю как раз исполнилось десять, он окончил курсы подготовки биржевых брокеров инвестиционного банка *Merrill Lynch*; по его собственным словам, «вышел в люди, стал настоящим биржевым брокером, человеком, уважаемым в обществе». При этом поборник железной флотской дисциплины, Пит никому в доме не давал забывать, кто тут главный. Марианна же посвятила себя детям. Набожная католичка, она и детей воспитывала соответственно: регулярно брала их на воскресные мессы, а затем отправляла в класс изучения катехизиса. Она надеялась, что Эндрю со временем станет священником, и это тоже давало почву для трений между ней и мужем-атеистом. И все же мальчиком при алтаре Эндрю послужить успел, а церковное облачение как минимум сильно повлияло на его вкусы.

Учитывая райский климат Бониты, большинство детей круглый год проводили на улице, гоня на велосипедах, играя в «баночку» или бейсбол и ловя ящериц по окрестным лощинам. Но только не Эндрю. Он предпочитал сидеть дома при матери, читая энциклопедию или глядя в телевизор. Скотт Ульрих, сосед Кьюнененов, вспоминает, как в детстве они с ребятами пытались выманить Эндрю на улицу – игроков в команде не хватало. Эндрю появился было в дверях, но мать тут же уволокла его обратно в дом со словами «нельзя! не смей!». «Да он и так вообще-то обычно держался ото всех особняком», – вспоминает Ульрих. Другой сосед, Чарли Томпсон, назвал Эндрю «олицетворением понятия „маменькин сынок“».

Не исключено, что Марианна считала соседских детей и их забавы слишком грубыми. Не подпуская к ним Эндрю, держа его постоянно при себе, наряжая как куклу и сдувая с него пылинки, мать способствовала формированию личности с ощущением собственного превосходства над окружающими, а вот это отец Эндрю как раз таки только поощрял. «Он был для меня больше чем сыном, – признавался Пит. – Он был мне другом. Он всё схватывал на лету и усваивал моментально. <...> Конечно, первым делом я ему всучил Эми Вандербильт⁶ и сказал: „Хочу, чтобы ты выучил это всё на память до последней, сука, запятой!“ Ведь, если растешь в этом обществе, ты должен идти по миру с легкостью, помахивая тросточкой и взирая на всех остальных сверху вниз».

«Главное впечатление, оставшееся у меня от Эндрю в те годы, – это его *полная уверенность*, что впереди его ждет только хорошее. Он будто знал наверняка, что извернется и станет

⁶ Эми Осборн Вандербильт (*англ.* Amy Osborne Vanderbilt, 1908–1974) – авторитетная американская законодательница правил этикета, автор выдержавшего десятки переизданий бестселлера «Исчерпывающий свод правил этикета от Эми Вандербильт» (*англ.* Amy Vanderbilt's Complete Book of Etiquette, 1952).

лучше всех сверстников, вообще всех окружающих обойдет, – говорит одноклассник Эндрю по средней школе по имени Гари Бонг. – Вот именно это чувство собственного превосходства как раз и было определяющей чертой его характера».

Благодаря отцу Эндрю с раннего детства привык одеваться в дорогие костюмы и стильную, элегантную и строгую одежду – и выглядел в ней значительно серьезнее и солиднее большинства его сверстников. Ему нравилось, что на него все вокруг обращают внимание. «Он был очень шумливым мальчиком и очень возбудимым», – вспоминает Чарли Томпсон. В школьном автобусе Эндрю обычно садился сзади и громко вещал оттуда что-нибудь на весь салон, так что все остальные дети волей-неволей оборачивались взглянуть на него. Он подражал отцовской браваде, но это отнюдь не всегда означало, что он чувствует себя уверенно и в безопасности.

* * *

В средней школе «Бонита Виста Джуниор Хай», где учатся дети с седьмого по девятый классы, Эндрю был зачислен в программу для особо одаренных. Для того чтобы туда попасть, нужно было продемонстрировать IQ не ниже 132. При выпуске из начальной школы «Санни-сайд» Эндрю набрал по результатам тестирования 147 баллов.

Школьная элита подразделялась на «социум» – то есть детей, склонных к нормальному стайному поведению и общению, – и «заумь» из программы для особо одаренных. Эндрю был ярчайшим представителем зауми. Самыми крутыми цветами в годы учебы Эндрю в этой школе (1981–1983) считались розовый с черным. Среди учащихся регулярно проходили голосования на предмет, кто из них лучше всех одевается. Эндрю, вероятно, слишком серьезно воспринял поучения отца и Эми Вандербилт – и занялся самовыражением, культивируя образ породистого отпрыска состоятельных родителей. В то время как большинство ребят носили обычные джинсы, Эндрю выпендривался штанами из жатой ткани цвета хаки и рубашками *IZOD*, носил вязанную ромбом жилетку и мокасины *Sperry* или пенни-лоферы с обязательными монетами в прорезях перетяжек. Всем своим видом он изображал искушенного воспитанника элитарной школы-пансиона с Восточного побережья среди деревенщины, для которой и Колорадо – это нечто недостижимое «далеко на востоке».

К седьмому классу Эндрю выработал своеобразную манеру говорить речитативом и стал проявлять всевозрастающую склонность рассказывать всем в этой манере разнообразные истории, основанные на причудливой смеси всякой всячины, о которой он где-то когда-то читал, и приукрашенные всевозможными домыслами для большего эффекта. Не дающая покоя тяга к напыщенности и преувеличениям, под знаком которой пройдет вся его последующая жизнь, начала овладевать им еще тогда. Никто не знал, что он наполовину филиппинец, и с другими учащимися с филиппинскими корнями он общался, не говоря уже о дружбе, всячески избегал. «Он всегда стремился произвести впечатление мальчика из состоятельной семьи», – рассказывает его одноклассник Гари Бонг. От риска быть уличенным во вранье Эндрю был надежно защищен, поскольку его родители в школу вовсе не заходили, а сам он в гости к себе домой никогда никого не приглашал. Даже когда за ним заезжали, он обычно уже ждал машину на улице. Совершенно очевидно, что ему очень не хотелось, чтобы его миф был развеян.

Многие одноклассники Эндрю просто тащились от его смешных колоритных баек – и действительно, благодаря начитанности запасов информации для того, чтобы выделиться из толпы, у него хватало с избытком. Особенно легко давалось Эндрю общение с девочками, потому что с ними всегда находилась общая тема для разговоров – знаменитости и мода.

Большинству учителей Эндрю искренне нравился своим умом и бойкостью. К тому же он всегда был предельно учтив и вежлив по отношению к старшим. Джерелин Джонсон, учительница английского и литературы, считала, что Эндрю «прекрасно владел словом и писал

отличные сочинения». «Он запомнился мне одним из ярчайших учеников, притом что ярких ребят в классе всегда хватало», – рассказывает она. Что до его претенциозности, то многие считали, что это у него возрастное и скоро пройдет.

Религия становилась для Эндрю источником всё усугубляющегося душевного конфликта. Рос он под опекой матери в строго католической обстановке. Но евангельские послания Эндрю воспринимал неоднозначно. Если он действительно особенный и стоит выше всех, то, вероятно, и Десять заповедей ему не указ. Опять же, он как раз начал испытывать тягу к другим мальчикам, и что же, выходит, ему нужно подавлять свои чувства, если они почитаются за греховные?

* * *

Из-за постоянных конфликтов родителей домашняя атмосфера была для Эндрю суровым испытанием. Одаривая вниманием, отец и мать одновременно взвалили на сына непомерный моральный и эмоциональный груз: Эндрю призван был осуществить все несбывшиеся мечтания своих несчастливых в браке родителей. Чтобы оправдать их ожидания, Эндрю нужно было непременно сделаться или священником, или богатым светским львом, вот только необходимых для этого ресурсов у него не имелось. С раннего детства Эндрю вынужденно представлял в нескольких ипостасях: счастливого ребенка; малолетнего божка для поклонения; мальчика, которому слишком рано пришлось втянуться в полную проблем и забот взрослую жизнь. Какому ребенку захочется выступать в роли семейного консультанта-психолога для вцепившейся в него полоумной матери или увещевать и унимать затеявшего ей очередную выволочку невыдержанного грубияна отца? Но, с другой стороны, заполучив за счет этого власть над родителями, ты развязываешь себе руки и получаешь возможность с легкостью расширять границы дозволенного.

При этом приходилось тщательно утаивать слишком многие собственные секреты. Список маленьких тайн начинался с его происхождения от расово смешанного брака, ведь в семидесятых годах и в том сообществе, где рос Эндрю, это отнюдь не воспринималось с такой же легкостью, как сегодня. Стеснялся он и психической болезни матери, и вспыльчивости непредсказуемого отца, жестоко с нею обращавшегося... Впрочем, в той или иной мере от нездоровых отношений между родителями пострадали все четверо детей. Кому-то из них приходилось бороться с нарушениями пищевого поведения, кому-то – избавляться от пристрастия к психоактивным веществам. Бывали в семье и случаи шантажа близких угрозами суицида. Эндрю же демонстрировал все признаки нарциссизма.

Корни рисков, угрожающих детям из подобных семей, залегают очень глубоко. Перетягивая детей каждый на свою сторону и стремясь заполучить их в верные союзники, родители тем самым прививают им чувство собственной значимости, и дети начинают считать себя неотразимыми и всевластными. Вот только переварить психоэмоционально все те чувства, которые порождает подобная интимная близость с родителями – а она ведь может включать и элементы соблазна и развращения, и тут даже не важно, с оттенком сексуальности или без него, – детская психика не способна, и заканчивается всё тем, что они начинают изо всех сил подавлять в себе, пряча как можно глубже, целый клубок смешанных чувств – вины, страха, гнева – во избежание их проявления. Поднаторев в подавлении негативных эмоций, дети перестают считать их всплески чем-то из ряда вон выходящим и особо значимым. На месте живых чувств остаются лишь пустота и холодная уверенность в себе, подкрепленная идеей, что твой имидж важнее всяких чувств. Взрыв же происходит много позже, когда ребенок сталкивается с неспособностью обернуть всё по-своему и любым путем добиться своего, его имидж рассыпается в прах – и вот тогда на мир извергается весь неимоверный запас долго копившейся в ребенке ярости.

Епископская школа

«В Епископскую! Я иду в Епископскую!» – Эндрю Кьюненен был в экстазе. Его приняли в самую престижную из частных школ Сан-Диего – расположенную в элитном районе Ла-Хойя Епископскую школу⁷. Он не мог скрыть своего радостного возбуждения от одноклассников по «Бонита Виста Джуниор Хай».

Идея отправки в Епископскую принадлежала по большей части самому Эндрю и его матери. Марианна разослала его заявления по лучшим частным школам, полагая, что Эндрю заслуживает того, чтобы там блеснуть. Стоимость обучения в Епископской как раз тогда подскочила с 4000 до 6200 долларов в год, а стипендию на обучение удавалось получить единицам, да и сумма этого финансового вспомоществования обычно не превышала полутора тысяч в год. Для Кьюнененов обучение сына в Епископской означало внушительную финансовую жертву. Но для Эндрю в который раз было сделано исключение, ведь он особенный и ему нельзя ни в чем отказывать.

Эндрю очевидным образом не терпелось отправиться в Епископскую и «воочью [*sic!*] увидеть увитые плющом стены, просторные классы, учителей, похожих на мистера Чипса и мисс Джин Броди»⁸. Заявление туда он написал от руки – сколь убедительное, столь и показательное: «Я всегда представлял себе вашу школу как расположенный на западном побережье аналог Гротона, Дирфилда и т. п.» Дословно! Едва ли кто из одноклассников Эндрю по неполной средней школе «Бонита Виста» на задворках южной Калифорнии вообще слышал о существовании Гротона и Дирфилда⁹, а тут нате вам – «и т. п.»!

Особенно красноречивы ответы Эндрю на вопросы анкеты в разделе «Личные данные о поступающем». На вопрос «Каковы ваши обязанности по дому?» дан ответ: «Никаких». В ответе на вопрос о «факторах, затрудняющих выполнение домашних заданий» единственной помехой названы родные, которые его «всё время дергают и отвлекают». На вопрос о любимом занятии в свободное время Эндрю ответил: «Фанатично люблю чтение. Также нравятся шахматы, одежда, „мерседесы“ и занятия бегом». Своими «особыми талантами и способностями» он назвал «актерское мастерство и способность к иностранным языкам». Среди «прочитанных в этом году книг» указал, помимо весьма традиционных «Над пропастью во ржи» и «Алой буквы», также «Мир глазами Гарпа» и «Отель „Нью-Гэмпшир“»¹⁰, в которых представлены яркие персонажи с нетрадиционной сексуальной ориентацией, и, в довершение, «Генриха V, часть 1»¹¹. Далее, в графе ответа на вопрос «Кто чаще всего помогает вам в решении проблем?» Эндрю запросто написал: «Отец Небесный».

Ну и, наконец, все копившиеся в душе Эндрю упования и вожеления на фоне непрекращающейся борьбы с упорно проявляющейся собственной сущностью выплеснулись на бумагу в ответе на вопрос: «Если бы была возможность для исполнения одного-единственного желания, чего бы Вы попросили?» – «Успеха, дом с видом на океан, два „мерседеса“, четырех крси-

⁷ Епископская школа (*англ.* The Bishop's School) – независимая полная средняя школа, названная так в честь епископа Лос-Анджелесской епархии Епископальной церкви Джозефа Х. Джонсона (*англ.* Joseph H. Johnson, 1847–1928), организовавшего сбор пожертвований на ее строительство.

⁸ Герои популярных романов британских авторов Джеймса Хилтона «До свидания, мистер Чипс» (1934) и Мюриэл Спарк «Мисс Джин Броди в расцвете лет» (1961).

⁹ Речь идет о богатых традициями дорогих элитарных частных школах-пансионах Академия Дирфилд (*англ.* Deerfield Academy) и Школа Гротон (*англ.* Groton School) в штате Массачусетс.

¹⁰ «Мир глазами Гарпа» (1978) и «Отель „Нью-Гэмпшир“» (1981) – романы современного американского писателя Джона Ирвинга.

¹¹ В отличие от дилогии «Генрих IV» и трилогии «Генрих VI», пьеса Шекспира «Генрих V» – одночастная.

вых [*sic!*] детей, три красивых [*sic!*] собаки и хороших отношений с Богом». В общем, юноша хотел всего и сразу.

Поступление в Епископскую школу изменило жизнь Эндрю самым фундаментальным образом. Он оказался в среде преуспеяния и роскоши, способной вдохновить целеустремленных поучиться у других умению воплощать в жизнь кое-что из своих мечтаний. Но Эндрю с детства привык получать всё от жизни даром, а не ценой собственных трудов, – и вместо благодарности судьбе затаил обиду на нее. «В старших классах Эндрю отличали быстрый ум, открытость и амбициозность, он легко завязывал приятельские отношения и демонстрировал какое-то по-средиземноморски чувственное жизнелюбие. Но всё это омрачалось негативными и потенциально взрывоопасными темными глубинами, – рассказывает один из преподавателей. – Был в нем, к примеру, пласт слежавшейся зависти. Эндрю тайно ревновал одноклассников к их богатству и образу жизни, и от этого раздражителя ему было просто некуда деваться».

Хотя в Епископской школе сил на нравственное воспитание не жалели, это лишь распалило затаившуюся в Эндрю злость и вполне уже сформировавшуюся склонность прикидываться не тем, кто он есть на самом деле. Внешне Эндрю предстал юношей броским и ярким, бойким и непринужденным; в душе же он испытывал глубокую неуверенность в себе, беззащитность и беспокойство относительно того, что о нем думают окружающие. Очень немногие из его новых друзей знали о его филиппинских корнях, и практически никто – о наличии у него брата и сестер. Никто из его родных в школе так ни разу и не появился. А чтобы тревога и озабоченность не всплывали на поверхность, он всё больше маскировал их блефом и бравадой, вел себя всё бесшабашнее и развязнее. «Натурально из тех, кто ради прикола способен абажур себе на голову нахлобучить», – вспоминает его бывшая одноклассница Сара Колман Джордан. Девиз школы «Простота, правдивость, покой» никак не вязался с образом Эндрю Кьюненена. Но это не мешает сегодня его матери возлагать всю вину за грехопадение Эндрю на дурное влияние «скверного окружения» в Епископской школе.

Основанная в 1909 году Епископальной церковью в качестве школы-пансиона для девочек, Епископская школа размещается на территории архитектурно-исторической достопримечательности – в комплексе выстроенных в каре зданий в стиле старинной испанской миссии, над которыми высится колокольня, куда студенты иногда забираются тайком, чтобы с ее высоты полюбоваться захватывающим дух видом на Тихий океан. Построена школа на шикарном участке, пожертвованном одним из членов семьи Скриппсов, стоимостью в половину всей их газетной империи. По соседству расположены Институт океанографии имени Скриппса и Институт биологических исследований имени Солка¹², и вся эта местность славится непревзойденной красотой.

Ла-Хойя¹³ – самый северный эксклав города Сан-Диего – гнездится бусами цветущих палисадников на нескольких милях ухоженных террас над живописнейшим берегом. Позиционируя себя «курортом на взморье» в духе Французской Ривьеры, Ла-Хойя всегда была синонимом пышного изобилия и ландшафтно-пейзажного волшебства: испещренные солнечными бликами бухточки, белоснежный песок, морские львы, принимающие солнечные ванны бок о бок с отдыхающими. Бронзовые от загара серфингисты, устраивающие шоу в волнах, накатывающих на кромку пляжа, где прогуливаются в полосе прибоя, закатав штанины до колен, молодые ученые-стипендиаты расположенных по соседству резервуаров мысли.

Вот только Ла-Хойя – куда более обособленное от окружающего мира и раздробленное на изолированные островки местечко, нежели любой из курортов Лазурного берега. До 1950-х годов «черным» тут не давали появляться за пределами двух улиц, выделенных для прожи-

¹² Джонас Солк (англ. Jonas Edward Salk, 1914–1995) – американский вирусолог, разработчик первых вакцин против гриппа и полиомиелита.

¹³ Название это по-испански звучит в точности так же, как *la joya* – «драгоценность». – *Примеч. авт.*

вания горничных и шоферов; евреев сюда не подпускали близко по молчаливому всеобщему уговору вплоть до 1970-х годов; ну а что до геев, то даже самые состоятельные из них вынуждены еще и сегодня жить здесь, мимикрируя под натуралов. Да и о чем тут вообще говорить, если у Эндрю в классе имелся клуб «Республиканцы против социальных пособий».

В выигрышном положении были студенты из местных, которые в равной мере чувствовали себя свободно и раскованно как в стенах школы, так и на улицах родной Ла-Хойи, – и вот этой-то легкости Эндрю ни впитать, ни перенять, ни хотя бы изобразить никак не удавалось. Слишком глубоко он был уже к тому времени озабочен своим имиджем и слишком нечестен, чтобы хоть единожды отпустить тормоза, – хотя и заглушал свои страхи неистовыми выходками и постоянным истерично-громогласным выражением своих эмоций. Но, сколько он ни старался, так и не овладел в совершенстве безмятежной ловкостью повадок уроженцев здешних мест. И всё это, отметим, происходило в эпоху Рейгана, в самый разгар восьмидесятых, под всё это «давай-давай» из динамиков, на пике избыточного потребления как вершины стиля. Другие учащиеся Епископской школы – девочки в плиссированных клетчатых юбках и мальчики в синих блейзерах, – хотя и были родом в основном из окрестных мест, внутренне разительно отличались от Эндрю.

Руководство Епископской школы и ее студенты всячески стремились принизить значимость элитарного статуса своей школы, что «почти что» убедили себя, что «быть бедным – это круто». Так-то оно так, конечно, но под «бедностью» ученики школы понимали «всего лишь» миллионные состояния. Семья Эндрю же относилась к ущербному в местном понимании подавляющему большинству, 99,5 % рядового народонаселения страны, у которого этого самого «всего лишь одного миллиона» близко нет и быть не может. В глазах Эндрю его одноклассники, похоже, находились где-то в недостижимой дали, на острове обетованном.

Изнутри же, если уж ты туда сподобился попасть, Епископская школа предстает обителью терпимости и либерализма (не в политическом смысле, понятно), ведущей затворническую, самодостаточную жизнь, будто в коконе. Эндрю стал частью единого организма школы, полагающего за данность, что всякий, кто удостоился чести войти сюда и стать «одним из нас», не просто дружит с мозгами, но, само собой, еще и искушен к пятнадцати годам как тридцатилетний и давно успел пресытиться всякими глупостями наподобие горных лыж, спортивных авто и каникул в Европе. Фактически, Эндрю вот-вот предстояло дебютировать на балах, начать посещать изысканные рестораны, участвовать в вечеринках, устраиваемых местными одноклассниками в их сногшибательных особняках. Красивая жизнь в условиях изобилия материальных благ, стремление к которой привил ему отец, обыденно шла теперь своим чередом прямо у него перед глазами, на расстоянии вытянутой руки. Как же неистово жаждал Эндрю приобщиться к этому заколдованному узкому кругу – но ведь он не принадлежит к нему по праву рождения... А тогда почему бы хотя бы не попробовать притвориться, что принадлежит? «Он все время что-то строил из себя и постоянно педалировал, что родом из очень и очень высококультурной семьи, – рассказывает бывшая одноклассница Ким Бёргарт-Уэйр. – Поскольку он был не из Ла-Хойи, где все семьи друг про друга всё знают, то проверять, правду он говорит или нет, никто просто себе за труд не брал».

Действительно, многие находили Эндрю ярким и эрудированным. Он был способен, как снежками, закидать кого угодно уймой разрозненных деталей и фактов, которые невероятным образом ухитрялся удерживать в памяти. При этом он умел не только говорить, но и слушать. Особенно хорошо у него получалось принимать к сведению то, что интересно собеседнику, и тут же «выкраивать под это какой-нибудь случай». Девушек, которых в этом возрасте никто комплиментами особо не баловал, Эндрю щедро ими одаривал.

Одним из любимых преподавателей школы был завуч старших классов доктор Отто Мауэр, бывший католический священник из итальянского Лугано, сложивший церковный сан ради женитьбы. Эрудированный и изысканно-утонченный Мауэр проповедовал ученикам иде-

алы эпохи Возрождения. Курсы истории искусств и этики он преподавал настолько завораживающе, что эти предметы, а также архитектура вскоре страстно полюбили Эндрю, и он сделался при Мауэре кем-то вроде служки, будто вспомнив детский опыт исполнения роли мальчика при алтаре. Священническую стезю Эндрю почитал за способ обеспечить себе, не прилагая особых трудов, шикарную жизнь в Риме, в окружении прекрасных произведений монументального зодчества и церковно-прикладного искусства.

Юноша с жадностью поглощал журнальное чтиво, особенно глянцевого издания, претендующие на то, что они приоткрывают завесу тайны, которой пытаются оградить себя от посторонних глаз обитатели шикарного бомонда, частью которого он мечтал со временем сделаться. Как-то раз в *GQ* ему попала статья о мужских клубах в Англии, заставившая Эндрю крепко задуматься. И уже вскоре они на пару с Мэтью Рифатом попросили доктора Мауэра возглавить на правах председателя учрежденный ими Джентльменский клуб, под предлогом заседаний которого стали время от времени по понедельникам застилать школьными скатертями и сервировать серебром составленные в классе столы и втроем обсуждать актуальные проблемы изящных искусств и философии.

Другим эталоном для Эндрю служили Франция и Англия двадцатых-тридцатых годов XX века – в частности, и потому, что Эндрю считал межвоенную эпоху по обе стороны Ла-Манша «голубым раем». Любил невзначай обронить в разговоре что-нибудь по-французски, хотя ни французского, ни любого другого иностранного языка выучить не сподобился, что не мешало ему заявлять, что он свободно владеет несколькими¹⁴. Обожал музыкальную комедию «Виктор/Виктория» с Джули Эндриус в роли певицы-травести, выдающей себя за певца в Париже 1930-х годов. «Пусик, я на взводе!» – бывало, приветствовал он Рейчел Рифат в школьных коридорах достоверно спародированной фразой из этого фильма. Ничуть не меньше фанател от оскароносного фильма «Огненные колесницы» – оды двум британцам – триумфаторам Олимпийских игр 1924 года в Париже. Ну и слов нет для описания всего того восторга, в который привел Эндрю телесериал «Возвращение в Брайтсхед» по мотивам одноименного романа Ивлина Во – ведь там настолько живо воскрешались картины цветущего Оксфорда двадцатых годов, что так и хотелось представить себя в образе Себастьяна Флайта – богатого, красивого, трогательного аристократа-католика. В подражание этому герою Эндрю повалился повсюду в стенах Епископской не расставаться с плюшевым мишкой, которому дал подобающее имя Бычок. А еще ему полюбилось, подражая страдающему нарушением дикции эстету Энтони Бланшу всё из той же книги, цитировать к месту и не к месту строки из «Бесплодной земли» Т. С. Элиота: «Я, всё претерпевший Тересий <...>. П-прикован я к этому ложу отныне – а ведь я восседал и п-под самыми стенами Фив, и во тьму п-преисподней спускался...» Вся личность Эндрю формировалась как *pastiche*¹⁵. Он жил чьей угодно жизнью, но только не своей собственной.

На первом году обучения Эндрю близко сошелся с яркими и много поездившими по миру одноклассниками-двойняшками Мэтью и Рейчел Рифат. Рейчел же Эндрю впервые признался, что он гей. «Поверить не могу. Сразил наповал», – написала она в своем дневнике. Хотя он и не был ее парнем, Рейчел сочла нужным сообщить Эндрю, что очень надеется на то, что он просто так глупо пошутил.

– Без шуток, – ответил он.

– И каково тебе целоваться с девушкой в таком случае? – поинтересовалась Рейчел.

– А вот таково же, наверное, как и тебе целоваться с девушкой. Мерзопакостное ощущение.

¹⁴ Вероятно, герою не давали покоя лавры мэтра Отто Мауэра, реально являвшегося полиглотом.

¹⁵ «Нарезка» (*фр.*, произв. от *итал.* *pasticcio*) из популярных оперных тем.

За исключением семьи, которую он старательно не подпускал к участию в стандартных для родителей школьных делах и мероприятиях, всем остальным Эндрю стал постепенно навязывать стойкое представление о себе как о голубом, и поведение его постепенно становилось все более неистовым и эпатажным. Преподавательский состав Епископской, отметим, не просто терпеливо сносил вызывающее поведение Эндрю, но и подчеркнуто настаивал на добродетельном проявлении в его адрес столь вразумляющих качеств, как благожелательность и терпимость, вежливость и корректность. Некоторые преподаватели позже признались, что Эндрю был первым откровенным гомосексуалом не только в их педагогической практике, но и просто встреченным в реальной жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.